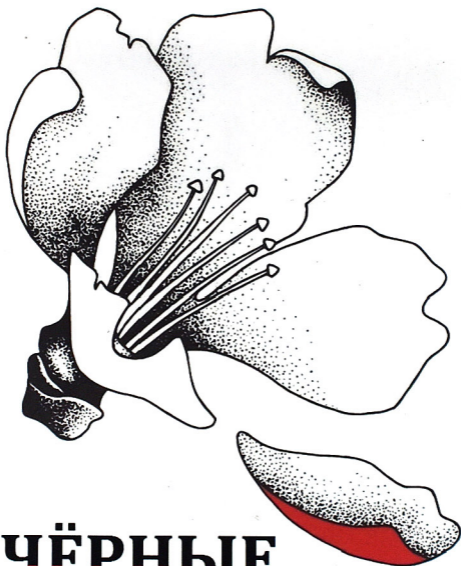

Ефим Абрамов
Лейла Бегим

**ЧЁРНЫЕ
ПОДСНЕЖНИКИ**

Ефим Абрамов
Лейла Бегим

ЧЁРНЫЕ
ПОДСНЕЖНИКИ

Короткая повесть

д-84333

Azərbaycan Milli
Kitabxanası

מרכז יוצאי אורבייגן

"Azlz" – 2017

Ш6(2 = Аз) 4 - 44

К 25-ой годовщине Ходжалинской трагедии международная кампания «Справедливость для Ходжалы» совместно с Европейским Азербайджанским обществом (TEAS) объявили литературный конкурс.

Задачей данного литературного конкурса была необходимость донести до мировой общественности правду о Ходжалинской трагедии, которая произошла в ночь с 25-го на 26-е февраля 1992 года, и сказать о первостепенной важности мирного урегулирования конфликта с Арменией, с целью возвращения Азербайджану всех оккупированных территорий.

Повесть «Черные подснежники» заняла Первое место в литературном конкурсе «Ходжалы – 2017».

HEYDƏR ƏLİYEV
FONDU

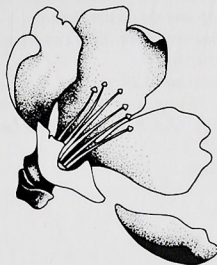

Ефим Абрамов
Лейла Бегим

ЧЁРНЫЕ ПОДСНЕЖНИКИ
Короткая повесть

מרכז יוצאי ארבייגן
"Azlз" – 2017

Ефим Абрамов
Лейла Бегим

*Ты видел, как подснежники цветут?
В ростках их выражение печали
земли, под снегом мерзнувшей ночами,
и белизна оттаявших минут...*

Согласно Human Rights Watch и журналистскому расследованию Тома де Валя, Ходжалинская резня стала самым массовым кровопролитием в ходе конфликта вокруг Нагорного Карабаха:

Изгнано с мест постоянного проживания 5379 человек.

613 человек, включая 63 ребёнка и 106 женщин, были убиты.

8 семей было уничтожено полностью.

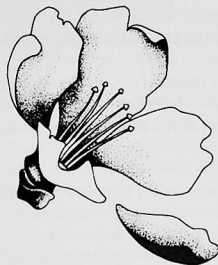
1275 человек было взято в плен, либо в заложники.

О судьбе пленных 150-ти человек, в том числе 68 женщин и 26 детей, до сих пор ничего не известно.

По этому делу было опрошено более 3000 свидетелей и проведено более 800 экспертиз.

В результате была доказана вина 39 человек, в том числе 18 военнослужащих 366-го мотострелкового полка Министерства обороны СССР, 8 сотрудников органов внутренних дел СССР.

Эти лица объявлены в розыск...

Амстердам.

Это было её второе посещение.

Войдя в кабинет, она на мгновение остановилась, почувствовав в воздухе некое напряжение, затем прошла к креслу и села. Она сняла темные очки, положила их на стоящий рядом столик, достала из сумочки узкую, аккуратно прошитую материю, прикрыла ею глаза и расслабленно откинулась на спинку кресла.

– Вам так удобно? – услышала она голос врача.

Она едва заметно кивнула и спросила своим низким, грудным голосом:

– У вас что-то случилось?

– Нет. С чего вы взяли?

Её лицо было обращено в его сторону.

– Вы рядом?

Он не ответил. Только посмотрел на неё, снял пиджак и повесил на спинку стула.

– Ну, что вы стоите? Садитесь! – сказала она и позволила себе улыбнуться.

– Между прочим, это вы пришли ко мне, а не я к вам. – заметил он, взял с письменного стола блокнот и авторучку, и добавил: – И здесь мой кабинет, а не ваш. Так что, не распоряжайтесь.

– Я только предложила.

Он придвинул стул, сел напротив и стал откровенно её разглядывать.

– Не надо, – сказала она тихо.

– Что?

– Не надо меня так рассматривать. Я это чувствую.

– Извините.

Он поднялся, прошел к окну, оттуда еще раз посмотрел в её сторону, вернулся.

– У вас хороший вкус, доктор! Приятный запах духов...

– Hugo boss...

– Вы поссорились с женой? – спросила она.

– Вы задаете много вопросов, Натаван. Давайте начнем.

– Значит, поссорились...

– Почему вы так решили?! Откуда вам это известно? Может быть, я поругался с коллегой, или же кто-то ударил мою машину. Почему сразу жена? Мы с вами едва знакомы, а вы уже... Вы что-то сказали?

– Нет. Но сейчас скажу.

Натаван поправила на глазах полоску материи, опустила руки на подлокотники, вздохнула.

– Вы врач, психотерапевт, Патрик, – заметила Натаван. – И вы знаете не хуже меня, что в основе вещей – одна сплошная химия, верно?

– Извините, я был не сдержан. И поверьте, я многого не знаю...

– Я тоже многого не знаю, – сказала Натаван. – Но я многое чувствую. Как чувствую ваше сердцебиение. Вы страшно поругались. Она плакала, а вы ушли. Но сегодня вечером вам предстоит головокружительное примирение...

Доктор невольно засмеялся.

– Вы странная женщина, Натаван. Она даже не станет со мной разговаривать.

– Может быть. Поэтому не пытайтесь подлизываться и заигрывать. Просто подойдите и искренне попросите прощения. Скажите, что были неправы.

– Вы думаете...

– Я уверена. У вас будет восхитительная романтическая ночь...

Доктор расхохотался. Натаван улыбнулась.

– Таблетка помогла, – сказала она. – Голова не болела. Но я не спала. Не смогла. Это не так легко...

– Согласен, – мягко заметил Патрик. – Мы и встретились, чтобы попытаться убрать эти тяжелые воспоминания. Это подобно перезагрузке.

– Вы думаете, Патрик, у вас это получится?

– Не у меня, Натаван, у нас, – сказал он. – Если вы не будете этого хотеть и не станете мне помогать, то у нас действительно ничего не получится. Я ведь для этого и пригласил вас...

– Да, да, – согласилась она, – понимаю.

– Старайтесь вспоминать светлое, – сказал Патрик, – хорошее.

– Хорошее, – улыбнулась Натаван. – Вспоминаю брата и его друга, Пярвиза. Именно в ту ночь он и нес меня несколько часов, когда я была без сознания. Да. Вспоминаю больницу. Они оба постоянно были рядом. Пярвиз любил шутить. Рассказывал какие-то небывлицы. Я помню, что у него были зеленые глаза. Он мне даже нравился.

– Где он сейчас? – поинтересовался Патрик.

Натаван пожала плечами.

– Позднее он учился в ин.язе, но после третьего курса куда-то исчез. Где он сейчас и что с ним, не знаю...

– Понятно, – сказал де Вард.

– Но эти воспоминания сразу куда-то отступают, и надвигается совсем другое, понимаете? – Натаван глубоко вздохнула, взяла врача за руку, крепко сжала. – У меня не получается. И февраль за окном. И какое-то у меня предчувствие...

– Вы не должны нервничать, – мягко сказал Патрик.

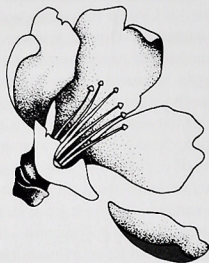
– Я знаю, доктор, – проговорила Натаван. – Я не спала. Я только вздремнула на несколько минут, и сразу возник он. И сразу всё навалилось – и её крик, страшный и пронзительный, и его руки с ножом, и глаза, и этот мерзкий запах, запах человеческой крови и ненависти...

– Натаван! Пожалуйста, остановитесь, – настойчиво произнес Патрик.

– Как наяву, как будто сейчас, здесь, рядом, – она не слышала доктора и едва сдерживала слезы. – И мне опять не было больно. Мне совсем не было больно.

Мне было только страшно. Они бежали с холма. Кричали и бежали, и на бегу толкнули Сураю на землю, сорвали с неё одежду и стали насиловать. Они насильовали ее и что-то кричали. А ей было только семнадцать, доктор, только семнадцать... Сурая кричала и просила не делать этого. Она кричала и просила о помощи. Она кричала и просила убить её. Она кричала, и никто в этом мире её не слышал. А они били её и насильовали, били и насильовали... А потом ей отрезали голову. Тело сбросили в канаву, где лежал грязный снег... Я не кричала. Я не могла кричать. Я только смотрела на них и молчала. А он подошел ко мне, этот, который убил, и ударил меня по лицу. Он долго бил меня, а потом ткнул сигаретой в глаз. В один, а потом во второй. Он что-то кричал, продолжал бить меня ногами, но я уже ничего не слышала. Я вообще ничего не слышала. Мне не было больно, мне было только страшно. Очень страшно! Они убивали всех и сбрасывали в болотистый ров. Стреляли, резали, и сбрасывали... И никто их не остановил. Никто!..

Натаван тихо плакала...

*И перешили болото... вслед сожгли
Людей останки... и снимали кожу
С груди (всё на живую), с головы...
Как выдержало Небо это, Боже?!*

Ходжалы.

Оставшиеся в живых семьи уходили последними. Уходили тихо, практически не переговариваясь и не оглядываясь на оставленные дома. Безлунная, черная, гнетущая ночь казалась бесконечной и единственное, что напоминало о существовании жизни вокруг – это был тихий, словно настороженный шум протекающей недалеко реки.

Люди шли молча. Они хотели только одного – выбраться из города и поскорее уйти туда, где были свои,

где можно было спокойно вздохнуть, согреть, наконец, детей, отогреть горячим чаем, куском хлеба и дать им возможность выспаться.

Сурая, которой едва исполнилось семнадцать, шла одной из первых. Её мысли были только об Ариффе, её женихе, с которым она была обручена в начале декабря. Он был среди солдат. Среди тех, кто должен был прикрывать уход мирного населения из города. Она думала только о нём и видела перед собой только месиво дороги.

Она не знала, что нападение на маленький по численности отряд Арифа произошло полтора часа назад.

Она не знала, что потерявший человеческий облик и вконец озверевший командир взвода армянских головорезов, сначала выстрелил Арифу в грудь, затем нанес ему пятнадцать ножевых ранений, размозжил сапогом голову и, для пущей убедительности, выпустил в него еще несколько пуль.

Сурая просто не знала, что вот уже полтора часа обезображенный труп её жениха с перебитыми и переломанными костями лежит на холме, где едва пробившиеся первые подснежники были уже черными от замерзшей на них крови...

...Люди продолжали идти, как вдруг прогремели выстрелы. Стылый ночной воздух прорезался и засветился разрывами трассирующих пуль. Десятилетия Натаван от неожиданности замерла на месте, невольно наблюдая за этим смертельным полетом. Она не знала и не могла знать, что стрельба трассирующими и разрывными пулями была особой прихотью командира взвода кровожадных убиц. Ему хотелось ви-

деть, как пули точно находят цель, и как эта цель падает, дергаясь в предсмертных судорогах...

Отец Натаван закрыл своим телом жену, но автоматная очередь буквально разнесла его голову, брызнув фонтаном крови на лицо женщины и на одежду. Она истошно закричала, бросилась к Натаван, но сделал несколько шагов, покачнулась и рухнула навзничь.

Они стреляли в неё практически в упор...

Они бежали с холма и с ходу, на полном бегу, увидев молоденькую Сураю, схватили её, швырнули наземь и бросились срывать с неё одежду. Навалившись на неё всем телом, они стали насиловать девушку, издавая какие-то нечеловеческие звуки.

Сурая кричала и просила не делать этого.

Она кричала и просила о помощи.

Она кричала и просила убить её.

Она кричала, и никто в этом мире её не слышал.

В это время их командир увидел вдалеке два убегающих силуэта. Он вскинул автомат и нажал на крючок. Длинная очередь срезала силуэты мальчишек и отбросила их в ночь. Он не знал, что стрелял по двум четырнадцатилетним ребятам, один из которых был братом Натаван, а другой соседом. Одна из пуль задела плечо Фикрета, брата Натаван, который падая в яму, потянул за собой друга. Они притаились, решив дождаться рассвета и попытаться добраться до своих.

Довольный собой, командир взвода убийц осмотрелся – беспорядочно валялись повсюду трупы. Их было не менее двадцати. Охота удалась, промелькнуло в голове. Его позвали, он отмахнулся, приказав убить девушку.

Её истошные крики только раздражали и вызвали новый приступ звериного желания стрелять и убивать.

Сураю поставили на колени, обнаженную, юную, изуродованную и истерзанную. Кто-то еще раз ударил её прикладом в лицо. Девушка покачнулась, но не упала – она только выругалась и неожиданно для всех засмеялась. Её смех заставил его оцепенеть. Набывчившись и, горланно взвыв, словно оскорбленный шакал, он растолкал солдат, швырнул к Сурае и, выхватив нож, вонзил его в горло девушке.

Отступив, он приказал отрезать ей голову, достал сигарету и закурил. И только в эту минуту он увидел девочку, которая не кричала и не плакала, не звала на помощь и ни о чем не просила. Она стояла одна среди всех этих трупов и смотрела на него. Худенькая, напуганная, онемевшая от всего увиденного, Натаван смотрела на него широко раскрытыми глазами. Ты кто, спросил он по-азербайджански. Она услышала его, поняла вопрос, но ответить не смогла – у неё были скованы все мускулы, и она даже не могла двинуть пальцем.

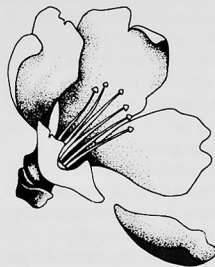
Он подошел к ней и ударил её по лицу. Она упала. Он схватил ее за платок, повязанный на груди, поднял и ударил еще раз. У Натаван из носа и из разбитой губы пошла кровь. Он повторил свой вопрос, она молчала. Он ударил её еще раз, шумно затаянулся сигаретой, схватил её за голову и ткнул ей в глаз сигаретой. Девочка застонала, но не вскрикнула. Тошнотворно запахло эжженным человеческим мясом. Он сплюнул, ткнул де-

вочке сигаретой и во второй глаз, оттолкнул её от себя и зашагал прочь.

Солдаты ушли. Ушли все. Никаких звуков вокруг не было. Только слышен был шум реки. И больше ничего. Никого.

Вокруг Натаван была тишина и вокруг Натаван была ночь. Она была одна...

...Опустив голову, девочка стояла так некоторое время, затем покачнулась и упала. Она впадала в кому, и пришла в себя только через семнадцать дней в одной из клиник республики...

Амстердам.

В кабинет врача вошли двое – мужчина и женщина. Они поздоровались с Натаван и доктором, и представились.

– Анна-Мари Вернер – сказала женщина и добавила: – Я из Берлина, госпожа Гаргюлю, возглавляю одно из подразделений всемирной организации по правам человека и представляю европейский комитет «Женщины всех континентов». Мой коллега из Лондона Нейл Шелдон.

Натаван пожала прохладную, чуть влажную руку женщины, и спросила:

– Вы нервничаете, госпожа Вернер?

– Мне очень хотелось познакомиться с вами, – сказала Анна-Мари. – Несколько месяцев назад я случайно

увидела на прилавке вашу книгу. Одним словом, ваши стихи мне понравились. Особенно вот эти:

Чернее смерти –
Злоба мести.
Страшной возмездия –
Любовь.
Как уместить в иссохшем сердце
Два необъятных чувства вновь?

– Спасибо, – кивнула Натаван и сдержанно улыбнулась.

– Скажите, – вмешался Шелдон. – Это ваша настоящая фамилия?

Натаван повернулась на голос и улыбнулась.

– Господин Шелдон, неужели вы прилетели из Лондона, а госпожа Вернер из Берлина только для того, чтобы поинтересоваться моей настоящей фамилией? Не сомневаюсь, что вы давно ознакомились с моей биографией.

– Мы спрашиваем о вашем псевдониме. Первые ваши стихи подписаны вашей настоящей фамилией – Гаджиева.

– Да, вы правы. Но сборник стихов я подписала псевдонимом. К чему эти вопросы, господин Шелдон?

– Господа! – вмешался доктор. – Моей пациентке нельзя нервничать. Мне придется просить вас...

– Не беспокойтесь, господин де Вард, – прервал доктора Шелдон. – Лишних вопросов не будет.

Анна-Мари обернулась к Патрику и мягко произнесла:

– Госпоже Гаджиевой незачем нервничать, поверьте. Ей просто следует знать, почему мы интересуемся её фамилией и псевдонимом...

– Я не нервничаю, госпожа Вернер, – сказала Натаван. – Говорите как есть. Вы и ваш коллега никакую организацию по правам человека не представляете. И давайте начистоту. Так будет проще разговаривать.

– Начистоту, так начистоту, – согласилась Анна-Мари. – Я представляю европейскую комиссию по расследованию Ходжалинской трагедии. С определенного времени наша комиссия тесно сотрудничает с Интерполом. Господин Шелдон мой помощник.

– Кто возглавляет эту комиссию?

– Я, – ответила Анна-Мари. – Уже четвертый месяц. Бывший глава комиссии самоустранился.

– Вы немка, – сказала Натаван и спросила: – Зачем вам это надо?

– Я не немка, – возразила Анна-Мари. – Но это не имеет значения. Просто у меня есть свои принципы и убеждения.

– Какие, если не секрет?

– Я убеждена, что такие преступления не должны иметь срока давности... И давайте по делу. У вас есть брат?

– Есть.

– Как вы оказались в Амстердаме?

– Меня пригласил доктор де Вард. Мой случай оказался любопытным.

– Да, это так, – вмешался доктор. – Случай, может, и не редкий, но тяжелый и требует длительного лечения.

д-843833

Сны и воспоминания, воспоминания и сны – они взаимосвязаны и так как продолжаютя...

– Ваш брат приезжал к вам в Латвию? – перебил Шелдон.

– Да.

– Когда?

– Несколько лет назад.

– У вас есть его фотография?

– Нет, – ответила Натаван. – В этом нет необходимости.

– Извините, – вмешалась в разговор Анна-Мари. – Ваш псевдоним переводится как подснежник...

– Да. Это мой любимый цветок.

– Не только ваш, – сказал Шелдон.

Он достал из папки записку и прочитал:

Погибшим все равно,
о чем мы спорим
(и городу разрушенному!)
Горе не может стать светлее никогда...

Это ведь ваши стихи?

– Мои.

– Эту записку обнаружили в кармане забытого в гостиничном номере пиджака вашего брата в Испании, – объяснил Шелдон и спросил: – Вам не кажется это странным?

– Мой брат знаком с моим творчеством и любит мои стихи, – улыбнулась Натаван. – Что в этом странного?

– Эти слова с двойным дном, – сказал Шелдон, внимательно глядя на Натаван.

– Не смешите меня, господин Шелдон, – сказала Натаван. – Никакого двойного дна там нет.

– Госпожа Гаджиева, – чуть более резко произнес Шелдон. – Это не просто слова. Эти строки что-то означают. Он провожал вас сюда?

– Повторяю, я не общалась со своим братом несколько лет.

– Вы не ответили на мой вопрос. Он провожал вас?

– Я сказала вам, что не виделась с братом несколько лет. И он меня не провожал. Я не понимаю, чего вы хотите.

– Вы прекрасно все понимаете. Понимаете, знаете и пытаетесь от нас скрыть, – настойчиво продолжал Шелдон.

– Одну минуточку, Нейл, – попыталась вмешаться Вернер, но Шелдон перебил её.

– Извините, Анна-Мари, – произнес Шелдон. – Но я, все же, скажу госпоже Гаджиевой. Ваш брат вот уже несколько лет печатает во всевозможных изданиях списки людей с требованием арестовать их и привлечь к суду. В своих статьях он называет их убийцами и палачами, что недопустимо. Чаще всего упоминается фамилия человека, который был участником боевых действий на Карабахской войне...

– Он не человек! – твердо произнесла Натаван и поднялась. Голос её, жесткий и властный, заставил Шелдона замолчать. – Он и то зверьё, которым он командовал, насильовали семнадцатилетнюю девушку, а потом отрезали ей голову. Этот, как вы сказали, участник боевых действий, этот подонок и его головорезы, расстреливали безоружных людей, убивали детей, ста-

риков и женщин. Они в упор расстреляли моих родителей и ещё двадцать человек. Они убивали только потому, что им так нравилось, потому что они ненавидели нас и были уверены в своей безнаказанности. И он, который считает себя героем, мог ослепить меня только потому, что я смотрела ему в глаза и не плакала. Он бил меня по лицу и ждал, что я буду кричать... Что я буду молить... А мне... Мне не было больно. Мне было страшно. Страшно, понимаете... Страшно!.. Вы ищите моего брата, а я его не помню, не помню, понимаете, я его не видела и не слышала, а если бы даже знала, где он, и если бы даже знала, что именно он... Я бы встала рядом... Я бы...

Натаван покачнулась, врач бросился к ней, удержал за плечи, усадил в кресло. Анна-Мари оставила на столе визитку.

– Надеюсь, – сказала она, – госпожа Гаджиева придет в себя и, подумав, правильно поймет нас. Международные организации, конечно же, выражают своё сочувствие и понимание, но...

– Я прошу вас покинуть кабинет, – довольно жестко перебил её доктор де Вард и добавил: – Ей надо успокоиться. Пожалуйста...

Вошла медсестра и, оголив Натаван руку, сделала внутривенный укол. Дыхание Натаван выровнялось, и она уснула. Медсестра, а следом за ней и Шелдон, покинули комнату.

– Она будет спать два часа, – сказал Патрик, глядя на Анну-Мари. – Для неё это очень важно...

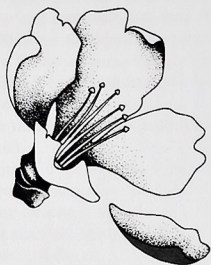
– А для меня? – тихо спросила Анна-Мари.

– Анна-Мари, пожалуйста! – с трудом скрывая волнение, сказал Патрик. – Мы ведь всё решили...

– Да. Решили, – согласилась Анна-Мари. – Но разве наши решения сильнее нас?

– Я прошу тебя, – сказал Патрик и отошел к окну. – Мне надо, пожалуйста...

Анна-Мари распахнула дверь и ушла...

Баку.

Вот уже шестнадцать дней десятилетия девочка Натаван Гаджиева была в коме...

...В ту холодную, страшную ночь её подобрали выжившие четырнадцатилетние мальчишки – её брат Фикрет и сосед Пярвиз.

Они были не только ровесниками, но и одноклассниками. А главное, они были друзьями. Фикрет был легко ранен. Наскоро перевязав рану, он помог поднять Натаван и положить её на спину Пярвизу. Они шли долго, более пяти часов, пока не встретили своих. Девочку повезли в больницу. Фикрет заявил врачам, что он от сестры не отойдет ни на шаг и будет постоянно рядом. Врачи и медсестры не возражали. Так осиротевшие дети остались при больнице...

...Фикрет держал руку Натаван в своей и постоянно с ней разговаривал – так посоветовала старшая медсестра. Строгая и неприступная внешне, она оказалась отзывчивым человеком. В первый же день искупала Натаван, одела её в чистое больничное бельё, привезла в палату, переложилась с каталки на кровать и, достав из кармана халата расшитую узкую материю, сначала едва слышно произнесла молитву, а затем положила эту повязку на глаза девочки. Ей было тяжело смотреть на изуродованные глазницы ребёнка.

– Не оставляй её, – сказала она, глянув на Фикрета. – Чтобы не случилось. И говори с ней. Она услышит...

И Фикрет разговаривал. Иногда его заменял Пярвиз – он умел придумывать разные истории, смешные и забавные...

...На семнадцатый день в сопровождении старшей медсестры и двух врачей в палату вошел главный врач больницы и сказал, что принято решение отключить Натаван Гаджиеву от систем жизнеобеспечения.

– Как отключить, – растерялся Фикрет. – Она умрет?

– Она умирает. Мы ни чем не можем помочь, – сказал главный врач.

– Ты должен понять, – заметил один из врачей.

– Она умрет? – переспросил Фикрет и голос его дрогнул.

– Я просил убрать их из палаты, – повысил голос главный врач. – Просил и повторил несколько раз...

Врачи и медсестры попытались увести Фикрета, но он оттолкнул их и закрыл свои телом Натаван.

– Нет! – закричал он, и голос его сорвался.

Он смотрел на них глазами полными слез и кричал:
– Нет! Нет! Я не отдам её! Не отдам! Слышите?!
Она не умрет! Она не может умереть! Нет! Натаван!
Натаван! Я прошу тебя, пожалуйста, очнись, не умирай!
Натаван! Пожалуйста! Нет! Не трогайте её! Я не отдам её!
Не отдам!..

– Доктор... – попыталась вмешаться старшая медсестра, но главный врач перебил.

– Замолчите сейчас же и уберите их отсюда! – кричал он.

В эту минуту всех остановил Пярвиз. Он неожиданно достал из-за спины пистолет и направил его на главврача.

– Уходите! Выйдите из палаты! – голос четырнадцатилетнего Пярвиза звучал спокойно и властно.

– Ты с ума сошел, сопляк! – почти спокойно произнес главврач. – Опустит пистолет!..

– Доктор! Доктор! – вытирая слезы, заговорил Фикрет. Пожалуйста, не надо. Она моя сестра и у меня больше никого нет. Никого! Я заберу её домой, я сама буду смотреть за ней, сам. Я уже многое умею, я многому научился... Правда! Пожалуйста! Натаван! Натаван! Ты слышишь меня... Очнись, пожалуйста, прошу тебя! Я тебя умоляю!..

Он стоял над своей сестрой и плакал...

...Главврач и старшая медсестра увидели, как дернулась правая рука девочки, и зашевелились пальцы.

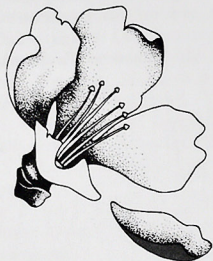
– Вы видели? – прошептала старшая медсестра.

– Тихо! Отойдите от неё. Слышите?! Отойдите!

Главврач шагнул к девочке, взял её руку, стал слушать пульс.

– Быстро, в реанимацию! – приказал он и обернулся к Пярвизу. – Да опусти ты свой дурацкий пистолет. Герой!..

...Так на семнадцатый день Натаван Гаджиева вышла из комы...

Баку.

Получив хорошее образование, Фикрет стал профессиональным журналистом. Всю свою сознательную жизнь он жил одной-единственной мыслью – донести до людей правду о той трагической ночи, заставить мировую общественность услышать голос истины и справедливости, добиться создания независимых комиссий, которые могли бы привлечь к ответственности и осудить палачей той февральской ночи. Убийцы всё ещё ходили на свободе, давали интервью, откровенно гордились своими преступлениями и красовались на экранах телевизоров.

Его жесткие и хлесткие статьи, посвященные трагической февральской ночи, его призывы арестовать палачей и судить их на той земле, где совершили они свои страшные, бесчеловечные преступления, вызывали у

высокопоставленных европейских чиновников отторжение и неприязнь. Эти времена остались далеко позади, говорили они. Сейчас время сдержанных политических переговоров и взаимных уступок. Зачем ворошить прошлое и вскрывать почти зажившие раны, когда можно многие вопросы решить за круглым столом.

Нет, нет и нет, взывал к ним Фикрет, и в очередной раз пытался добиться взаимопонимания и поддержки. Но понимания и поддержки не было. Он колесил по странам Европы, стучался в двери правозащитных организаций, писал и печатался, просил и требовал, но наталкивался на холодный приём и равнодушие. Он не отчаивался и не сдавался. Он продолжал писать и выступать. Его поведение, его прямота и искренность, его статьи и выступления начинали раздражать...

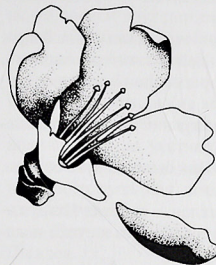
А Натаван, окончив школу в интернате для слабослышащих и слепых детей, поступила на филологический факультет университета. Именно тогда, студенткой первого курса Натаван и начала писать стихи. Когда кто-то сказал ей, что стихи её очень печальные, она тихо произнесла:

– Я видела, как возносились души убитых и истерзанных, и слышала, как плачет Всевышний, омывая слезами их раны...

...Пярвиз тоже получил высшее образование, а затем уехал – куда и надолго ли, она не знала. Через несколько лет Натаван переехала в Ригу, к подруге по многолетней переписке. Подруга, тоже незрячая молодая женщина, была начинающей писательницей. Они мечтали вместе написать книгу. О чем вы мечтаете

написать, спросил Фикрет, знакомясь с подругой. О войне, ответила она, о жизни и смерти...

...Фикрет часто звонил сестре, но приезжал к ней редко...

Амстердам.

Анна-Мари Вернер, Нейл Шелдон и Патрик де Вард сидели в просторном и светлом кабинете доктора. Они беседовали.

– Скажите, Патрик, – погасив в пепельнице окуроч, спросил Шелдон. – Почему из тысяч таких же больных с такими же симптомами болезни, как у госпожи Гаджиевой, вы остановили свой выбор именно на ней? К вам обращаются многие, предлагают значительные суммы, и все они тоже надеются...

– У этих людей на глазах никого не насиловали, у них на глазах не убивали их родителей и им не прижигали зажженной сигаретой глаза, – ответил Патрик.

– Давайте без пафоса.

– Это не пафос, господин Шелдон, – спокойно возразил доктор де Вард. – А горькая правда. И ваши во-

просы, по меньшей мере, бестактны и провокационны...

– Не нервничайте, Патрик, – вмешалась Анна-Мари. – Никто вас не провоцирует. Нейла заинтересовало то, что вы остановили свой выбор именно на ней, на женщине из Азербайджана.

– Вы видели часы, которые хранит госпожа Гаджиева? – спросил Патрик.

– Да, – ответил Шелдон. – Они были на руке её отца. Часы разбитые, не работают...

– Да, это так, господин Шелдон, – заметил Патрик, – но даже не работающие часы хотя бы раз в сутки показывают точное время...

– Дважды, – уточнил Шелдон.

– Согласен, – сказал Патрик и добавил: – Начало и конец...

– Почему вы нервничаете? – спросил Шелдон.

– Мне не нравится ваш тон, Нейл, – ответил де Вард.

– Что происходит, Нейл? – удивилась Анна-Мари.

– Вы не знаете того, что знаем мы, – ответил ей Шелдон. – Дело в том, что настоящее имя господина Патрика де Варда Пярвиз Гасан оглу Исмаилов.

– Это правда? – удивилась Анна-Мари.

– Да, я азербайджанец, – спокойно подтвердил доктор Патрик де Вард. – И если вас, Нейл, как представителя Интерпола интересует, почему в Голландии я живу под фамилией Патрика де Варда, то могу объяснить.

– Не считите за труд, – сдержанно кивнул Шелдон.

– В Европе, в просвещенной Европе, всё еще с недоверием и подозрением относятся к людям с Востока. Они охотнее идут к своим врачам, а не к иностранцам.

Вот и всё объяснение. А что касается Фикрета Гаджиева, то он мой друг детства. И этот ваш так называемый герой Карабахской войны, ослепив Натаван, девочку, которой не было и одиннадцати, стрелял и в нас. Он тогда ранил Фикрета, но мы смогли вернуться и спасти Натаван. Спасти, но не вернуть зрение. И Фикрет хочет только одного. Он хочет, чтобы международное сообщество провело честное и открытое расследование и осудило виновных в той кровавой ночи. Он хочет справедливого суда над этими людьми. Справедливого и открытого!

– Это не в нашей компетенции, – развёл руками Шелдон.

– А в чьей, Нейл, чьей? – воскликнул Патрик. – И что происходит в мире? Убийцы откровенно гордятся тем, что расстреливали и резали беззащитных людей, и все молчат. Все! Вокруг равнодушие и молчание. Молчание и равнодушие.

– Патрик! – вмешалась Анна-Мари. – Наша комиссия для того и создана, чтобы...

– Ваша комиссия сотрудничает с Интерполом, – перебил Патрик. – И пытается остановить человека, который хочет только одного – открытого суда над убийцами! Международного суда! А вы ищите его только для того, чтобы заткнуть ему рот и тем самым дать возможность убийцам женщин и детей спокойно разгуливать на свободе. Почему? Вы можете ответить мне на этот вопрос? Почему?

– Господин де Вард! Патрик! Сядьте и выслушайте, – сказал Шелдон, стараясь сохранять спокойствие. – Нам стало известно, что вашему другу звонят и посы-

лают сообщения с угрозами. Хотят заставить его молчать.

– Он молчать не будет, – сказал Патрик.

– Мы тоже не сомневаемся в этом, – согласился Шелдон. – Именно поэтому наш специальный отдел занимается сейчас поиском источника информации. Вы это понимаете? Так что, мы затыкать рот вашему другу не собирались...

– У вас есть возможность связаться с ним? – спросила Анна-Мари.

– Нет, – ответил Патрик. – Я не знаю, где он.

– По нашей информации, – сказал Шелдон, – у него запланирована встреча с представителями международной правозащитной организации в Лондоне.

– Когда? – спросил Патрик.

– Через два дня, – ответил Нейл.

– Значит, он собирается Лондон, – заключил Патрик. – Как и откуда он будет добираться, не знаю...

– И мы не знаем, Патрик, – заметил Шелдон. – Мы пытались установить с ним контакт, но он этого не хочет и игнорирует все наши попытки выйти с ним на связь.

– Да, человек он не простой, – сказал Патрик.

– Мне бы очень хотелось познакомиться с вашим другом, – сказал Шелдон.

– Я думаю, вы еще с ним познакомитесь, – сказал Патрик.

– Не сомневаюсь, – заметил Шелдон.

Он и Анна-Мари направились к выходу. Провожая гостей, Патрик поднялся.

– Надеюсь, доктор де Вард, – стоя в дверях, сказал Шелдон. – Что мы с вами ещё встретимся.

– Мне бы не хотелось встречаться с вами как с пациентом, – парировал Патрик. – Это искренне. Так что, берегите себя...

Шелдон и Анна-Мари ушли. Патрик подошел к двери, словно хотел выйти следом, но вернулся к столу, поправил листы в папке, закрыл её и убрал в ящик стола. В это время в кабинет стремительно вошла Анна-Мари, также стремительно подошла к Патрику и поцеловала его в губы.

– Зеленоглазый ты мой, – прошептала она с нежностью, глядя ему в глаза. – Значит, я все эти годы любила азербайджанца, да?

– Да, – ответил он.

– Пяр-визи! – старательно произнесла Анна-Мари. – Правильно?

– Почти...

– Господи! Как же я люблю тебя! Люблю! – сказала она. – Я не могу забыть тебя. И не смогу. Никогда...

– Анна-Мари, пожалуйста, прошу тебя, – чуть отстраняясь, проговорил Патрик. – Мы приняли решение...

– Разве ты не вспоминаешь меня? – спросила с горечью Анна-Мари.

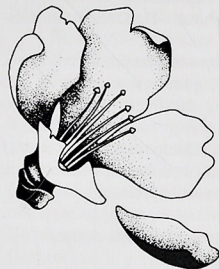
– Вспоминаю, – признался Патрик. – Но счастье одних делает несчастными других. Понимаешь? Каждый день и час. Каждую минуту...

– Ты... – едва слышно произнесла Анна-Мари и отступила. – Ты сказал, что... Ты сказал...

– Анна-Мари, прошу тебя, пожалуйста, – сказал Патрик.

Анна-Мари протянула руку, коснулась его щеки, резко повернулась и покинула комнату...

В кружку стильную февраль
сыплет яд,
и земли замерзшей сталь
режет взгляд.

Амстердам.

В кабинет доктора Патрика де Варда вошла медсестра, доложила:

– Госпожа Натаван Гаргюлю!

– Пусть войдет, – сказал доктор, поднялся из-за стола и шагнул навстречу вошедшей Натаван. – Здравствуйте, Натаван!

– Здравствуйте, доктор, – улыбнулась Натаван. – Я рада вас видеть!

– И я очень рад, поверьте!

– Верю, – продолжая улыбаться, сказала Натаван. – Позвольте...

Кончиками пальцев она коснулась галстука Патрика.

– У вас красивый галстук. Вам очень к лицу. Подарок жены?

Патрик удивленно вскинул брови.

– Вы читаете мысли, Натаван. Просто удивительно...

Натаван села в кресло, поправила шейный платок.

– Я хочу подарить вам сборник своих стихов. Это третья моя книга. Надеюсь, у вас будет время пролистать её?

– Можете не сомневаться. Послушайте, как звучат ваши стихи на английском. Я недавно прочитал их в поэтической колонке популярного журнала:

Февральский день скользнул с пера
Прощальной строчкой,
В слова мгновенья собирал,
Крик – в многоточья,
Закат багряный отразил,
Реки затишье,
Весны волнующий призыв,
Чужие крыши,
Как небо сеет решетом
Крупницы света,
И сумасшествие кустов –
В катренах ветра,
И запах скошенной травы –
Всё тот же, свежий,
А у заброшенной стены
Расцвёл подснежник...

– Это очень неожиданно, Патрик. Спасибо, – поблагодарила Натаван. – Но не это главное.

– Что же главное, Натаван? – спросил Патрик.

– Больше никаких сеансов не будет, – сказала она. – Вот это я хотела сказать вам.

– Почему? – удивился он.

– Надеюсь, вы правильно поймете меня, – произнесла Натаван и продолжила: – У каждого из нас своя жизнь, а значит и своё прошлое. И это прошлое в моей памяти. Лишаться прошлого, пусть страшного и мучительного, значит, лишиться памяти. Значит, забыть своих близких, забыть брата, забыть ту ночь, потом забыть вас. Но так не бывает. Я обязана помнить. Мы все обязаны помнить, и мы никогда не должны забывать... Не должны. Это наша память. Вы ведь понимаете меня, Патрик?

– Понимаю...

– И я хочу вернуться. Я просто соскучилась по дому, – объяснила она. – Спасибо вам!..

– Не за что, Натаван, – сказал Патрик и обернулся к вошедшей медсестре.

– Госпожа Вернер.

Вошла Анна-Мари.

– Извините, я без приглашения, – сказала она. – Но я должна была прийти. Она села напротив Натаван.

– Вы хотите что-то сказать мне? – спросила Натаван.

– Я хочу передать вам фотографию, – сказала Анна-Мари, достала из папки небольшую черно-белую фотографию и положила её на стол.

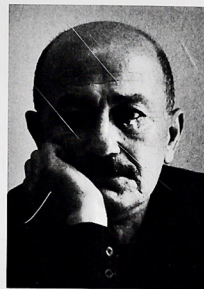
Натаван протянула руку и накрыла фотографию ладонью. После короткой паузы, она тихо произнесла:

– Я помню эту фотографию. Мне было тогда четыре года. Я сижу у мамы на коленях. Верно?..

- Да, – тихо подтвердила Анна-Мари.
– Как она попала к вам? – так же тихо спросила Натаван и добавила: – На ней, кажется, кровь...
– Мы обнаружили её в кармане пиджака вашего брата, – сказала Анна-Мари.
– Он жив? – едва слышно спросила Натаван.
– Я прошу вас, Натаван, – с трудом произнесла Вернер. – Пожалуйста, Не волнуйтесь...
– Говорите, – едва слышно сказала Натаван.
– Произошла трагедия. Автомобильная катастрофа, – сказала Анна-Мари. – Тяжелый самосвал выехал на встречную полосу, и произошло лобовое столкновение. Обстоятельства происшедшего сейчас выясняются. Ваш брат погиб сразу...
– Где это произошло? – не слыша собственного голоса, спросила Натаван.
– На трассе. Ваш брат ехал на встречу в Лондоне, – отвестила Анна-Мари.
– Понимаю, – произнесла Натаван. – Простите, но мне бы хотелось остаться одной.
– Да, да, конечно, – кивнула Вернер и поднялась. – Госпожа Гаджиева, простите меня, но порой надо быть сильнее не только смерти, но и самой жизни...
Она положила на стол свою визитную карточку и добавила:
– Если вам понадобится моя помощь, звоните мне в любое время...
Анна-Мари ушла. Натаван с трудом поднялась, пошла к окну.
– Пярвиз! – позвала она сорвавшимся голосом.
– Да, – отозвался он и подошел к ней.

- Это ведь ты, правда? – спросила она.
– Да.
Натаван заплакала. Тихо, почти неслышно.
– Его нет, слышишь? Его больше нет...
– Слышу, – сказал он и обнял её.
– Открой окно, – попросила она сквозь слезы. – Я не могу дышать. Я задыхаюсь, слышишь?
Патрик открыл окно.
– Пярвиз! Почему так? Почему? Как? Кто выехал? Какой самосвал? Я не понимаю, Пярвиз!..
– Натаван! Прошу тебя. Тебе нельзя нервничать, тебе нельзя...
– Это неправда. Неправда, Пярвиз! Я не верю! Не могу верить...
– Натаван... Прошу тебя!
Он хотел ещё что-то сказать, но она перебила его:
– Нет! Нет! Нет! Я не верю, Господи, не верю!..
Натаван плакала. Они стояли у открытого окна.
Он погладил её по плечу.
– Я скоро вернусь, – сказал Патрик. – Оставайся в городе, пожалуйста. Слышишь?
Она кивнула. Патрик вышел из комнаты, и его шаги стихли в глубине коридора. Вошла медсестра, взяла Натаван под руку, сказала вежливо:
– Я провожу вас...
– Да, да, – тихо произнесла Натаван. – Спасибо!..
Они вышли в коридор, и медсестра плотно закрыла за собой дверь. Зимний вечер уже накрывал город. Ярко светились витрины магазинов. Зажигались и гасли разноцветные лампочки на деревьях. Гуляли люди. Медсестра и Натаван подошли к машине, не спеша сели

в неё и уехали. Их машина сразу затерялась в плотном потоке других машин. Высоко в небе летел самолет и мигал сигнальными огнями...

Ефим (Эфраим) Абрамов

Окончил институт кинематографии – ВГИК. Кинорежиссер и драматург. Член Гильдии Азербайджанских Кинематографистов. Режиссер-постановщик нескольких художественных фильмов, пятнадцати сценариев и пяти пьес в соавторстве с Лейлой Бегим. Живет в Израиле.

Лейла Бегим

Окончила Азербайджанский Институт Нефти и Химии. Азербайджанская поэтесса, проживающая в Чехии. Член Союза Писателей Азербайджана, член Союза Русскоязычных писателей Чехии, член Европейского конгресса литераторов. Автор пяти пьес в соавторстве с Ефимом Абрамовым.

Ефим Абрамов
Лейла Бегим

ЧЁРНЫЕ ПОДСНЕЖНИКИ
Короткая повесть

מרכז יוצאי אורבייגן

“AzIz” – 2017

